

Д. В. ФИЛОСОФОВ

Горький о религии

Журнал «Le Mercure de France» предпринял очень любопытную анкету. А именно: редакция обратилась к самым разнообразным лицам с просьбой высказать свое мнение о том, присутствуем ли мы при разложении (dissolution) или эволюции религиозной идеи и религиозного чувства.

Насколько мне известно, из русских приняли участие в этой анкете Горький, Мережковский, Минский и Плеханов. Пока появились лишь ответы Горького и Плеханова. По содержанию своему оба ответа тождественны. Одинаково наивны, плоски и буржуазно-оппортунистичны. Плеханов дал дистиллированную банальность всех ученых позитивистов, трактующих о религиозных вопросах. Ответ Горького интереснее. В нем есть известный темперамент и неосторожность человека неискушенного. С Плехановым нельзя спорить. Не за что уцепиться. Гладкие общие места, отталкивающие всякого мало-мальски глубокого человека своею плоскостью. Профессионалы-философы улыбнутся, художники отвернутся со скукой. Совсем другое Горький. Он человек наивный, искренний, создавший несколько воистину литературных произведений. Как бы к Горькому ни относиться, драма «На дне» переживет и ругань его врагов, и клику -шечь восторги подобострастных друзей. Его мысли о религии интересны, как важный психологический документ. С одной стороны, Леонид Андреев с «Жизнью человека»¹, Сергеев-Ценский с беспощадным пессимизмом: а с другой — их недавний единомышленник и однокашник Горький, со своей идиллической религией без Бога.

Горький утверждает, что если идея личного Бога подверглась окончательному разложению, то, наоборот, религиозное чувство находится в периоде развития. Ему предстоит широкое будущее.

Вот что он говорит*:

«Я думаю, что мы присутствуем при образовании нового психологического типа. Я вижу в далеком будущем появление совершенного существа, которое я называю совершенным потому, что оно будет обладать гармоническим развитием всех своих способностей, без внутренних противоречий.

Чтобы это совершенное существо могло появиться, необходимо свободное и широкое общение между людьми равными, и эта проблема разрешается социализмом.

Вот как я определяю религиозное чувство. Религиозное чувство есть гордое и радостное ощущение гармонической связи, соединяющей человека со вселенной. Это чувство рождается в присущем каждой личности стремлении к синтезу, оно питается опытом и превращается постепенно в религиозный пафос, благодаря радостному ощущению внутренней свободы, пробудившейся в человеке...

Дорога, которою следует человечество, что бы там ни говорили люди с больной печенкой, это — дорога, которая ведет к духовному совершенству. Сознание этого процесса должно пробуждать во всяком душевно-здоровом человеке религиозное настроение, то есть сложное и творческое чувство веры в себя, в победу, пробуждать любовь к жизни и удивление перед мудрой гармонией, которая существует между человеческим разумом и всем миром, вселенной».

Что и говорить. Религия благодушная. Устраняющая всякую трагедию. Но кого она может удовлетворить? Возьмем для примера Леонида Андреева и героя его новой драмы. Удовлетворятся ли они горьковским оптимизмом?

Уже одно посвящение «Жизни человека» заставляет задуматься. На первой странице драмы стоит: «Светлой памяти моего друга, моей жены, отдаю эту вещь, последнюю, над которой мы работали вместе». Уже в этих строках чувствуется глубокое страдание личности, которое вряд ли утешится религией Горького. Герой драмы дошел до такого отчаяния, что стал даже (*horribile dictu!****) молиться стоящему в углу, вот здесь, рядом, «Серому Некто», молиться о сохранении жизни сыну. Молитва не была услышана, сын умер, а человек погиб в кабаке, среди страшных пьяниц. Такова судьба не именно этого человека, а почти всех людей. Потому что мир проклят. Ка-

* Не имея под руками русского подлинника, я перевожу с французского.

*** страшно сказать (*фр.*). — *Ред.*

кая-то ловушка дьявола. И люди стремятся не победить трагедию мира, преодолеть ее, а отвернуться, пройти мимо. Игруют в игрушки. И мир мстит. «Когда ребенок умирает, проклятием для живых становятся его игрушки».

Горький, натолкнувшись на коренное зло мира, отвернулся от него, думал найти забвение в «игрушках», потому что, что такое, как не «игрушки», его жалкая, наивная философия оптимизма, религия грядущего «совершенного существа».

Какой ответ дает он Андрееву?

«Или признай, что у тебя больная печенка, что у тебя не все дома, или верь, что ты, со всеми своими страданиями, ничто иное, как удобрение для роста счастливого сверхчеловека будущего». Этот новый самодержец несколько не менее жесток, чем все прошлые и нынешние самодержцы. Как и они, он требует бесчисленных жертв и строит свое благополучие если не на костях своих современников, то на костях всех предыдущих поколений.

Не знаю, ответ ли это на вопрос «Человека», погибшего среди пьяниц, «на лицах которых при всем их разнообразии лежит печать страшного сходства: зеленоватая, могильная окраска и выражение то веселого, то мрачного и безумного ужаса». Андреев утверждает, что мир — «кабак»; «Серый Некто», могший в момент молитв «Человека» превратиться в Бога, в конце концов превратился в «равнодушного кабатчика», а Горький утешает страдальца своим «сверхчеловеком» и лепетом о какой-то «радостной гармонии».

Не знаю, как на других, но на меня эта наивная вера в грядущего «сверхчеловека», ради которого мы должны нелепо страдать, производить самое отвратительное впечатление. Верь сверхчеловеку и покоряйся ему не только за страх, но и за совесть. Нет, во мне просыпается босяцкая душа и непреодолимое желание послать, как делает один «босяк» Горького, «весь мир к черту на куличики».

Горьковская религия основана прежде всего на одной психологической и логической нелепости. Ведь если Бога нет, нет абсолютной бессмертной личности, и из меня, после смерти моей, «лопух вырастет»², то какое мне дело, что после моей смерти будет здесь на земле. Андреев и логически и психологически последователен. Он приходит к последнему отчаянию. Он не принимает мира, не принимает Бога и умирает в «кабаке». Горький же, утверждая всей своей философией «кабак» мира, ни с того, ни с сего создает для утешения «молодых сил»

какую-то побрякушку, нелепый мираж будущего счастья таких же смертных, как и мы, людей.

Хорошо, мы все ничто иное, как пушечное мясо для торжества грядущих сверхчеловеков. Допустим, что мы поверим в эту химеру, в эту грубую и неприличную игрушку. Но разве эти будущие сверхчеловеки будут абсолютно и совершенно счастливы? Что же, они будут бессмертны? Их не будут переезжать, как переехали Кюри³, будущие, — о, насколько усовершенствованные, — автомобили; у них не будут умирать дети; у них не будет ревности, и главное, главное, серый молчаливый Некто не будет вечно стоять тут, рядом, с еле теплящейся свечой в руках?

Да ведь это же все обман, самый жалкий обман, мираж, которым новые буржуа будущего хотят усыпить вечный, я бы даже сказал предвечный бунт человеческой личности.

О, да, я знаю, как исторические церкви поклонялись властям предержавшим, я знаю, как попы кормили голодный народ обещаниями загробной жизни, но разве не то же самое делает Горький, только не во имя (пускай ложно понимаемого) абсолютного начала, а во имя детской игрушки будущего сверхчеловека, может быть, более знающего, чем мы, но такого же бессильного перед законами смерти, как и мы. И ради этого нового фетиша мы должны склонять свои головы. Сколько тут нового, утонченного насилия, какое презрение к человеческой личности. И, конечно, личность не поддастся на эту удочку. Сверхчеловеческий рай, мнимо научная религия без Бога, буржуазный оптимизм никогда не замажет мятежного духа человека, жаждущего истинной, подлинной свободы, а не замены одних господ, настоящих, другими господами, будущего.

Странная вещь. Горький, отрицая бессмертную, абсолютную личность, тем не менее не мог искоренить в себе жажду ее бессмертия и подменил ее суррогатом веры в будущего сверхчеловека. Атеисты, отказываясь от «загробной жизни» в мире ином, по какой-то логической аберрации утверждают загробную жизнь здесь, на земле, и устремляют свою волю на то или иное ее устройство. Вместе с тем, ведь совершенно ясно, что для моего смертного и конечного «я», превращающегося с моей смертью в прах и тлен, должно было бы быть также безразлично то, что будет происходить на земле, после моей смерти, как и то, что будет происходить со мной, зарытым в этой земле. Не все ли равно умирающему в «кабаке» герою андреевской драмы, сколько людей будет рождаться после его смерти по капризу «Серого Некто» и что они будут делать, как устраиваться?

Они все кончат в том же кабаке. Отрицание бессмертия личности должно последовательно вести к полному индифферентизму социальному. И если фактически этого нет, то именно потому, что как бы разум, трезвый человеческий разум, так называемый «здравый смысл», ни отрицал бессмертия личности, — ощущение ее, не доходя до сознания, живет, потому что не может не жить в человеке.

Здесь мы наталкиваемся на одно ходячее заблуждение, которое царит в интеллигентско-материалистических кругах относительно идеи бессмертия. В ней видят скрытое отрицание мира, лежащего во зле. Это заблуждение идет от исторического христианства, которое обострило антиномию духа и плоти и предало плоть проклятию. Современный материализм есть законная реакция против спиритуализма прошлого. Но он также односторонен, как и блаженной памяти спиритуализм. В частности, обращаясь к идее бессмертия личности, надо признать, что без нее всякое учение о прогрессе, всякая работа над социальным устройством будущего — становятся просто бессмысленными. Если история есть процесс эволюции, и только процесс, тогда все усилия человеческой воли, направленные к его ускорению или изменению, — сплошная «романтика». Тогда гораздо более последовательны современные сверхчеловеки, объявляющие свое «я» центром жизни. Ничего не существовало до появления этого «я», и ничего не будет существовать после его исчезновения. Естественно, что вся радость жизни, весь смысл ее сосредоточивается в этом одиноком, временном «я». Цезари Борджии⁴, Наполеоны, Раскольниковы получают полное оправдание, потому что ощущение связи с внешним миром, с не «я», с будущей историей человечества, не может быть у существа, отделенного от прошлого и будущего абсолютным небытием. Только эмпирически данное «я» существует, имеет для меня реальную ценность. Так же последовательны те, кто, убедившись в своей смертности и не находя, может быть, даже по чисто внешним условиям, возможности воплотить в жизни свое личное «сверхчеловеческое» я (как Наполеон или Цезарь Борджиа), впадают в последнее отчаяние и проповедуют «коллективное самоубийство». И жизнерадостный аморальный эгоизм, и безнадежный пессимизм одинаково логичные и понятные выводы догматического материализма или даже атеистического позитивизма. Но как на этой философии можно обосновывать революционный социализм, веру в будущее царство социальной правды на земле и, главное, добиваться ее вопреки непосредственным ближайшим интересам эмпирической личности —

просто уму непостижимо. В одной из своих статей Плеханов верно замечает, что «материалистический взгляд на человеческую волю прекрасно уживается с самой энергичной деятельностью на практике» («К вопросу о роли личности в истории»). Это доказывает только, что бессознательная сила жизни зачастую правее, инстинктивно ближе к правде, чем навязываемое ей материалистическое сознание. Но содержание этой «энергичной деятельности» материалистическим взглядом на человеческую волю не предрешается, и к счастью. В том-то и дело, что «энергичная деятельность» только случайно уживается с «материалистическим взглядом на волю», органически с ним отнюдь не связана. И в том-то, может быть, и заключается ее теперешнее бессилие, что она малосознательна и довольствуется этим наивным полусознанием дешевого материализма. Сама по себе эта энергичная воля праведна, ее инстинкт святой, а содержание ее, цель, которая ей навязывается, ниже ее. Прежде эту энергичную волю направляли на отрицание мира, и она применялась к величайшим подвигам аскетизма. Сколько лучших сил погибло в одинокой борьбе со злом, ради личного спасения. Теперь эти силы направляются на счастливое устройство здесь, на земле, будущих смертных людей. Личность целиком приносится в жертву обществу, и она, естественно, мельчает, хиреет. Сам Горький живой тому пример. В поисках атеистической общественности будущего он потерял самое ценное благо — личность, превратился из жаждущего личности, вечно мятежного босяка, в мягкотелого проповедника оппортунизма. Из хилых ничтожных личностей — свободного общества не создашь. В результате выйдет все то же старое насилие более сильных над слабыми, стадо, водимое кнутом пастуха.

Позитивизму этой проблемы не разрешить. Он фатально обречен или на признание ничем не связанной, ничего, кроме себя, не признающей эмпирической личности, или на лживое навязывание людям такого абсурда, как религия без Бога, как покорная вера в будущих сверхчеловеков, потому что ничего не признающая личность может подчиниться только насилию, или самому простому физическому кнуту, или усыпляющему сознание кнуту духовному, дурману будущего счастья сверхчеловеков.

Умолчание, скрывание, постоянное усыпление сознания — величайший грех, недостойный мыслящего человека. Бесстрашное и ясное сознание — его главное украшение, его свобода.

«Босячество» — первая ступень пробудившегося сознания. Только человек, дошедший тут до конца, не побоявшийся пос-

ледного отчаяния, способен победить трагедию мира. Горький, испугавшись временного отчаяния, стал притуплять сознание, одурманивал его своей детской религией без Бога. И в этом его провал. Для победы над злом мира надо выйти из плоскости позитивной в плоскость иную, религиозную. Только там, при свете сознания религиозного, человек может принять мир, полюбить жизнь, поверить в борьбу за освобождение.

И уж если выбирать между отчаянием «босняка», отчаянием героя андреевской драмы и оптимизмом горьковского сверхчеловека, то выбор, конечно, должен остановиться на отчаянии.

У «босняка» открыты глаза, у него свободное отношение к миру, у него нет страха перед сознанием, а только сознание, эта подлинная свобода, может привести к спасению, к последней победе над злом мира.

1907

